

Александр Фёдорович Прасол¹
aprasol@gmail.com

ВОСЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ: ДИСКУРС И ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Автор прослеживает эволюцию общественного и политического осмысления роли Японии во Второй мировой войне, подчёркивая двойственность и противоречивость этого процесса. В отличие от Германии, безоговорочно признавшей вину за преступления нацизма, в Японии формирование исторической памяти осложнено внутренними разногласиями и внешними вызовами. Несмотря на принятие после 1945 г. пацифистской конституции и отказ от милитаризма, японское общество до сих пор не пришло к консенсусу по вопросам ответственности за военные преступления, особенно в отношении агрессии в Азии.

В статье выделяются основные этапы трансформации дискурса: 1) период американской оккупации (1945—1952), когда Япония пережила демилитаризацию и демократизацию, но избежала глубокого обсуждения вины; 2) 1970—1990-е гг., отмеченные официальными извинениями и началом «войны памяти»; 3) современный этап, характеризующийся поляризацией между либералами, настаивающими на честном осмыслении прошлого, и консерваторами, стремящимися смягчить или отрицать ответственность за преступления. Особое внимание уделяется проблеме «женщин для утешения» — жертв сексуального насилия, официально признанных японским правительством в 1990-х гг., но до сих пор вызывающих споры.

Автор рассматривает борьбу вокруг школьных учебников, в которой консервативные силы добиваются смягчения формулировок о военных преступлениях, и символические конфликты, такие как визиты ведущих политиков в храм Ясукуни с целью почтить память военных преступников. Делается вывод, что память о войне в Японии остаётся фрагментированной: трагедия атомных бомбардировок и пацифизм сосуществуют с замалчиванием агрессивного прошлого. Будущее дискурса зависит от баланса между либеральными, консервативными и прагматичными тенденциями, а также от влияния новых медиа, которые могут сместить акцент на менее эмоциональное восприятие истории.

Ключевые слова: историческая память Японии, храм Ясукуни, «женщины для утешения».

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Alexander F. Prasol²

aprasol@gmail.com

EIGHTY YEARS LATER: DISCOURSE AND MEMORY OF THE WAR IN MODERN JAPAN

The author traces the evolution of public and political interpretations of Japan's role in World War II, emphasizing the duality and contradictions inherent in this process. Unlike Germany, which unconditionally acknowledged its guilt for Nazi crimes, Japan's formation of historical memory has been complicated by internal divisions and external challenges. Despite the adoption of a pacifist constitution after 1945 and the renunciation of militarism, Japanese society has yet to reach a consensus on issues of accountability for war crimes, particularly regarding aggression in Asia.

The article identifies key stages in the transformation of discourse: 1) the period of American occupation (1945—1952), during which Japan underwent demilitarization and democratization but avoided in-depth discussions of culpability; 2) the 1970s — 1990s, marked by official apologies and the onset of the “memory wars”; 3) the contemporary phase, characterized by polarization between liberals advocating for an honest reckoning with the past and conservatives seeking to downplay or deny responsibility for atrocities. Particular attention is given to the issue of “comfort women” — victims of sexual violence officially recognized by the government in the 1990s but still a subject of contention. The author examines the struggle over school textbooks, where conservative forces push for softened language regarding war crimes, as well as symbolic conflicts, such as visits by prominent politicians to Yasukuni Shrine, which honors war criminals.

In conclusion, the article notes that Japan's memory of the war remains fragmented: the tragedy of the atomic bombings and pacifism coexist with the suppression of the nation's aggressive past. The future of this discourse depends on the balance between liberal, conservative, and pragmatic tendencies, as well as the influence of new media, which may shift the focus toward a less emotionally charged interpretation of history.

Keywords: Japanese historical memory, Yasukuni shrine, “comfort women”.

Две страны, на которых лежит главная ответственность за развязывание Второй мировой войны, — Германия и Япония — потерпели поражение. В обеих странах были приняты новые конституции, закрепившие отказ от ведения войн, что стало важной частью их национальной идентичности. В публичном дискурсе этих государств активно поддерживается постулат о непреложной

² Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

ценности мира и международного сотрудничества. Их сторонники составляют в Японии хотя и не подавляющее, но устойчивое большинство. Согласно опросу газеты «Ёмиури» от 3 мая 2024 г., 63% респондентов заявили, что возражают против пересмотра мирной конституции, в то время как одобрить его готовы 35% ответивших. Правда, в отношении обороноспособности Японии уже несколько лет сохраняется определённое беспокойство: пересмотр второй статьи, содержащей основные запреты в этой области, поддерживают больше половины всех опрошенных (53%), в то время как против этого выступают чуть более трети (35%) [1].

Однако осмысление итогов войны и своей роли в ней в Германии и Японии заметно отличается. Если Германия полностью и безоговорочно признала свою вину за преступления нацизма, то в Японии сохраняется более сложное, двойственное отношение к военному прошлому. Заключительный этап войны, в ходе которого Япония подверглась атомной бомбардировке, позволяет консервативным силам представлять страну жертвой исключительной по потерям военной операции, отодвигая на второй план причину этой трагедии — военную экспансию в странах Азии. Это отчётливо проявляется в организации и проведении памятных церемоний в Хиросиме и Нагасаки, которые акцентируют всё внимание на страданиях простых людей и отставляют на второй план вопросы о причинах трагедии и ответственности Японии за начало войны.

В эволюции общественного осмысления военного прошлого Японии можно выделить несколько этапов. В период американской оккупации, с 1945 по 1952 г., в японском обществе произошла кардинальная переоценка ценностей. До войны японцы воспринимали свою страну как великую азиатскую державу, окружённую врагами, но поражение и последствия атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, а также оккупационная политика США привели к радикальному пересмотру национальной идентичности. В этот период была проведена демилитаризация, демократизация, принята новая конституция, что способствовало формированию пацифистских настроений и отказу от милитаризма. Однако ещё долгое время японцы избегали глубокого обсуждения вины за войну, сосредоточившись на собственных страданиях и восстановлении страны. Судебный процесс над японскими военными лидерами формально осудил преступления, но император Хирохито избежал ответственности, что во многих

азиатских странах, подвергшихся японской агрессии, было воспринято как несправедливость и создало почву для будущих споров о степени вины высшего руководства.

В 1965 г. Япония восстановила дипломатические отношения с Южной Кореей, в 1972 г. — с Китаем. Сближение вызвало взаимный интерес к внутривнутриполитической жизни соседей и оценкам недавнего общего прошлого. Под давлением Китая и Кореи, где память о японских преступлениях оставалась крайне болезненной, в Японии началось активное обсуждение её роли в войне. Первое официальное признание ответственности японского руководства за военные преступления было сделано в совместном коммюнике о нормализации отношений с Китаем от 29 сентября 1972 г. Тогдашний премьер-министр Какуэй Танака заявил, что Япония «глубоко осознаёт ответственность за причинение страданий народу Китая в прошлом и глубоко сожалеет об этом» [2].

Несмотря на серьёзность этого шага, многие в Японии по-прежнему продолжали считать себя не столько агрессорами, сколько жертвами прошедшей войны. В 1990-х гг. начался третий период, который в Японии называют «войной памяти». В связи с 50-летием окончания войны в обществе началась ожесточённая дискуссия о военном прошлом и военных преступлениях, во многом углубившая осознание вины. В заявлении от 15 августа 1995 г. премьер-министр Томоити Мураяма официально признал агрессивный характер действий Японии и принёс официальные извинения странам Азии, пострадавшим от японского колониализма [3]. Усиление либерально-демократической риторики увеличило поляризацию в японском обществе: консервативные круги стали ещё активнее отрицать причастность к военным преступлениям или преуменьшать ответственность за них, а либералы — ещё настойчивее требовать честного разговора о прошлом.

Важнейшим поворотным пунктом стало признание японским правительством ответственности за принудительную вербовку «женщин для утешения» (секс-рабынь) из Кореи и других азиатских стран. В 1993 г. это сделал секретарь кабинета министров Ёхэй Коно, а два года спустя правительство с целью выплаты компенсаций 285 жертвам сексуальной эксплуатации создало «Азиатский мирный народный фонд для женщин». Считается, что общее число женщин, мобилизованных для обслуживания оккупационной японской армии, превышало двести тысяч. Несмотря на официальное признание правительства, консервативные круги

до сих пор отрицают прямую вину государства, и это противостояние получило характерное для японской лингвокультурологии эксплицитное выражение. Во время войны и сразу после неё, когда тема военных преступлений ещё не поднималась, женщин, подвергшихся сексуальной эксплуатации, называли словом **ианфу** (букв. «женщины для утешения» или «женщины для комфорта»). Оно считалось достаточно нейтральным и почти не встречалось в научно-публицистической литературе и общественном дискурсе. После публикации свидетельств жертв колониальной политики представители демократического лагеря для усиления обвинительного эффекта взяли на вооружение термин *дзюгун ианфу*, в котором первое слово *дзюгун* (букв. «мобилизованный в армию») указывает на принудительное включение в военную структуру и подразумевает ответственность не отдельных исполнителей, а всей государственной военной машины. На волне новых разоблачений в мире поднялась волна осуждения действий японской оккупационной армии. В нескольких странах были открыты памятники жертвам сексуального насилия в Азии (рис. 1).

Рис. 1. Памятник жертвам сексуальной эксплуатации в Берлине

Последние два с половиной десятилетия в Японии отмечены ростом ревизионистских настроений, особенно в среде консервативных политиков. Это проявляется в пересмотре школьных учебников, где роль Японии в войне представляется в более мягком свете, а также в спорах вокруг посещения политиками храма Ясукуни, открытого в 1869 г. для поминовения душ погибших во всех войнах, которые вела Япония. Сегодня в поминальных реестрах храма числится около двух с половиной миллионов имён, среди которых четырнадцать военных преступников класса «А», осуждённых на Токийском процессе. До 1945 г. храм входил в систему госорганов императорской Японии и напрямую подчинялся МВД и двум военным министерствам — сухопутных войск и флота. После войны он был лишён данного статуса и стал религиозно-культурным учреждением. Это позволяет представителям правоконсервативных кругов отстаивать возможность посещения храма Ясукуни руководителями страны в ходе частных визитов — такой формат был введён после войны для снижения негативного эффекта. Официальное посещение храма проводится в рамках программы правительственных мероприятий с соответствующим финансированием и регистрацией в храмовых книгах в составе официальной делегации. Частные визиты обходятся без протокола и на личные средства посетителей. Любые посещения храма Ясукуни руководителями правительства вызывают резкую критику со стороны Китая, Кореи и России, но внутри страны они поддерживаются значительной частью населения, считающей, что Япония уже достаточно покаялась [4].

Проблема визитов в Ясукуни особенно обострилась во времена премьерства Дзюньитиро Коидзуми, который с 2001 по 2006 г. делал это ежегодно (рис. 2). В ответ на ужесточившуюся критику он заявлял, что посещает храм как частное лицо и отдаёт дань уважения памяти японцев, погибших на фронтах всех войн начиная с периода Мэйдзи, а не для оправдания преступлений Второй мировой войны. Тем не менее его визиты однозначно воспринимались в мире как сигнал поддержки ревизионистских настроений.

Китай и Южная Корея приостанавливали дипломатические контакты, заявляли протесты, сопровождавшиеся массовыми демонстрациями и антияпонскими выступлениями в этих странах. Консерваторы поддерживали Коидзуми, либералы и часть СМИ критиковали его за подрыв международного имиджа

Рис. 2. Премьер Коидзуми в храме Ясукуни

страны. Результаты опросов показывают, что в годы его премьерства японское общество по этому пункту было фактически расколото на два лагеря: в 2014 г. 38% опрошенных считали, что премьер должен прекратить визиты в храм, а 39% заявляли, что их следует продолжать [5] (рис. 3).

В 2012—2020 гг. идею постепенного пересмотра послевоенного порядка, включая формулировки японской конституции, последовательно продвигал премьер-министр Абэ. Его посещение храма Ясукуни в 2013 г. вызвало не только обычные протесты со стороны Китая и Кореи, но и лёгкое порицание США, выразивших «разочарование» — редкий случай прямой критики союзника (рис. 4).

Рис. 3. Ответы респондентов на вопрос «Следует ли премьер-министру продолжать визиты в Ясукуни?» (2004). *Источник:* [5]

Следует ли премьер-министру продолжать визиты в Ясукуни? (2004 г.)

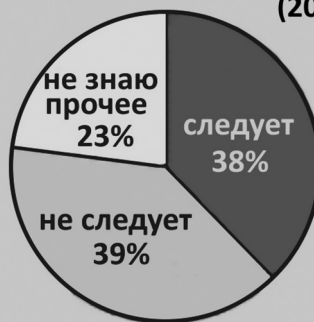

Рис. 4. Премьер Абэ в храме Ясукуни

В следующем году Синдзо Абэ дал толчок новому витку дискуссии о принудительной сексуальной вербовке азиатских женщин, заявив, что нет прямых доказательств участия правительства в организации этой порочной системы. Заявление премьера, прямо поддержавшего позицию правоконсервативных сил, привело к резкому ухудшению отношений с Южной Кореей. В 2015 г. при активном участии премьер-министра были внесены изменения в доктрину безопасности Японии, которые позволили ей в будущем участвовать в коллективной самообороне, что было расценено демократическими силами как отход от пацифистских основ конституции. В том же году Абэ выступил с заявлением по случаю 70-летия окончания войны. В нём он выразил «глубокое раскаяние» за действия Японии, но при этом подчеркнул, что «мы должны избавить наших детей от бесконечных извинений в будущем» [6].

В стремлении сохранить баланс между ростом международных ожиданий и усилением внутренних консервативных тенденций Синдзо Абэ вызвал новую волну критики со стороны Китая и Южной Кореи; японские либеральные круги обвинили его в уходе от ответственности, а консерваторы приветствовали «достойную позицию премьера». Среди причин усиления консервативных тенденций в оценках военного прошлого социологи называют уход с исторической сцены старших поколений и увеличение доли молодёжи, не связывающей себя с военными преступлениями и не чувствующей ответственности за них (рис. 5).

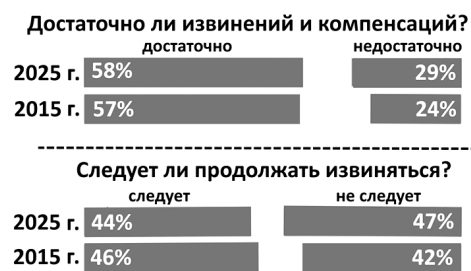

Рис. 5. Ответы респондентов на вопросы «Достаточно ли извинений и компенсаций?», «Следует ли продолжать извиняться?» (2015, 2025). *Источник:* [4]

риала в школьных учебниках. В этом процессе можно выделить несколько этапов. В первые послевоенные годы школьные учебники подвергались сильной цензуре, националистическая и милитаристская риторика из них удалялась. Война подавалась как акт агрессии и трагическая ошибка японского руководства, но без акцента на военных преступлениях. После принятия

логи называют уход с исторической сцены старших поколений и увеличение доли молодёжи, не связывающей себя с военными преступлениями и не чувствующей ответственности за них (рис. 5).

Дистанцирование молодёжи от военного прошлого подкрепляется и направляется изменениями в подаче материала

Рис. 6. Демонстрация протеста против «новых учебников» (г. Одавара)

послевоенной мирной конституции этот подход стал главным в изложении недавней истории страны.

В 1970—1980-е гг. появились признаки критического подхода и борьбы, которую позднее назовут «войной учебников» (рис. 6). В результате общественной дискуссии в учебниках появились упоминания о Нанкинской резне, насильственной мобилизации населения на оккупированных Японией территориях и страданиях народов под властью японских оккупационных властей. В 1982 г. произошёл первый крупный скандал — Министерство образования попыталось смягчить формулировки в учебниках: «агрессию» в Китае (*синряку*) заменить на «продвижение» (*синсюцу*), а захват территорий называть не целенаправленным действием, а цепью непредвиденных столкновений с местными силами. Вместо выражения «Нанкинская резня» предлагалось использовать «Нанкинский инцидент»³. При описании аннексии Кореи в 1910 г. рекомендовалось усилить акцент на добровольности её вхождения в японскую «зону процветания». Резкие протесты со стороны соседей заставили правительство отступить. В это же время стали появляться учебники, в которых более прямо и откровенно говорилось о тёмных страницах военного прошлого.

³ В японском варианте: *дзикэн* вместо *дайгякусацу*.

В 1990-х гг. после официального признания и извинений в учебниках впервые появилась тема «женщин для утешения».

Наступление демократических сил в «войне учебников» привело к созданию ультраконсервативного Общества за написание новых учебников (*Атарасий кёкасё о цукуру кай*). При поддержке ультраконсервативной и ультранационалистической организации *Ниппон кайги* (Японский совет) его основали политические и общественные деятели правого толка: Нобукунико Сакаи, Канъити Нисио, Нобукацу Фудзиока, Ёсинори Кобаяси. Полностью отрицая или преуменьшая масштаб массовых убийств в Китае, принудительную вербовку азиатских женщин и другие преступления японской армии на материке, они требуют описывать военные действия Японии как вынужденный акт самообороны и освобождения Азии от оков западного колониализма.

Сторонники обновления школьных учебников не только выступают против признания военных преступлений прошлого, но и вообще отрицают всю послевоенную систему образования, в которой насаждается «мазохистская точка зрения на историю» (*дзигяку сикан*). Пик влияния Общества пришёлся на период премьерства Синдзо Абэ. Жена премьера присутствовала на заседаниях общества, их активным участником был также известный своими националистическими взглядами бывший мэр Токио Синтаро Исихара.

Под давлением консервативных групп, включая Общество за создание новых учебников, Министерство образования в 2001 г. одобрило и внесло в список для использования серию школьных учебников, в которых были смягчены или удалены упоминания о военных преступлениях, таких как Нанкинская резня и сексуальная эксплуатация женщин, что заметно повлияло на содержание последующих изданий. Если на пике демократического движения в 1997 г. из восемнадцати учебников для старшеклассников шестнадцать упоминали о «женщинах для утешения», то в 2012 г. таких учебников было только три.

Учебники, написанные членами Общества или его единомышленниками, тоже одобрены Министерством образования и числятся в списке разрешённых для использования. Однако, несмотря на довольно громкое политическое влияние, их доля в общей массе таких изданий крайне мала: Министерство образования оценивает её в 0,5—1% [7]. Эти учебники используются в некоторых частных и муниципальных школах, в основном там, где

отделы образования местных органов власти придерживаются консервативных взглядов. Министерство образования напрямую не может приказать им выбрать тот или иной учебник, но на этапе утверждения может порекомендовать авторам внести изменения в ту или иную сторону, и, поскольку от выполнения рекомендаций зависит судьба учебника, они, как правило, выполняются. После 2010 г. в рекомендациях Министерства наметилась линия на усиление «патриотического» и «более уравновешенного» восприятия военного прошлого.

Сегодня подача материала в учебниках заметно различается и зависит от позиции издательства. В большинстве учебных пособий упоминаются факты о Нанкинской резне и сексуальной эксплуатации женщин, но в более сдержанных и кратких формулировках, чем это было в 1990-х гг. Акцент сместился на страдания простых японцев во время массовых бомбардировок Токио и атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Термин «агрессия» (*синряку*) стал политическим маркером: либеральные учебники используют его прямо и без оговорок, консервативные заменяют на «военные действия» (*гундзи кодо*) или «продвижение» (*синсюцу*). Тема принудительной трудовой мобилизации корейцев обычно присутствует в учебниках, но подаётся очень кратко, без упоминания исторического контекста, объясняющего колониальный статус Кореи и систему принуждения в целом.

Обобщая всё вышесказанное, можно заключить, что историческая память о Второй мировой войне в Японии представляет собой довольно сложную, более или менее сбалансированную систему взглядов, в которой послевоенный пацифизм, трагедия атомных бомбардировок и страдания народа занимают центральное место. Существенным элементом национального нарратива остаётся замалчивание или минимизация агрессивной политики императорской Японии и смягчение наиболее острых углов неудобного военного прошлого. Это позволяет стране поддерживать внутреннюю консолидацию, но периодически вызывает трения в отношениях с соседями и демократически ориентированным научным сообществом.

В ближайшей перспективе наиболее вероятным вариантом представляется сохранение трёх основных тенденций с постепенным изменением баланса между ними: двух основных (либерально-пацифистская во главе с газетой «Асахи» и консервативно-националистическая во главе с газетой «Санкэй») и одной

пока что второстепенной (прагматично-отстранённая позиция), которая всё заметнее манифестируется молодым поколением. По мере исторического затухания военной памяти всё большая часть японского общества будет воспринимать события конфликтного прошлого через призму стремительно набирающих силу ютуб-каналов, телефильмов, аниме, манги и видеоигр. Можно предполагать, что этот фактор в совокупности с возрастанием роли экспозиционного компонента в реконструкции военного прошлого (музеи, парки мира, тематические выставки и т.д.) будет способствовать постепенному смещению акцента в сторону, которую умеренно-консервативные политики сегодня называют «более сбалансированным восприятием истории». Для молодых поколений этот вопрос будет становиться всё менее личным и эмоционально заряженным, переходя в разряд академических или политических дебатов, не затрагивающих повседневную жизнь. Обществу будет всё проще отделять моральную оценку прошлого от практических задач настоящего — обеспечения безопасности, экономического благополучия и стабильности в регионе. Нарратив о японцах как о жертвах войны останется наименее спорным и самым объединяющим элементом национальной памяти. Споры между консервативным и либеральным лагерями полностью не исчезнут, но их аудитория и влияние на реальную политику будут постепенно сокращаться, уступая место более прагматичным соображениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. 読売世論調査:憲法改正「賛成」63% 9条2項改正は「最多」の53% = Опрос Ёмиури: 63% за пересмотр конституции, рекордные 53% за пересмотр второго параграфа девятой статьи. URL: <https://www.yomiuri.co.jp/election/yoron-chosa/20240502-OYT1T50215/> (дата обращения: 10.10.2025).
2. 日本政府と中華人民共和国政府の共同声明 = Совместное заявление правительства Японии и правительства Китайской Народной Республики. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/china/nc_seimei.html (дата обращения: 10.10.2025).
3. 戦後80年を考える。2025年朝日新聞郵送世論調査 = Восемьдесят лет после войны. Дистанционный опрос газеты «Асахи» 2025 г. URL: <https://www.asahi.com/rensai/list.html?id=3019> (дата обращения: 10.10.2025).
4. 戦争や植民地支配、謝罪や償い十分58% = Военный колониализм, извинения и компенсации: 58% считают, что достаточно // 朝日. 27.04.2025. URL:

- <https://www.asahi.com/articles/AST4R1FPHT4RUZPS018M.html> (дата обращения: 10.10.2025).
- 首相の靖国神社参拜: 賛否二分 = Визиты премьер-министра в храм Ясукуни: «за» и «против» поровну // 朝日. 30.11.2004. URL: <http://www.asahi.com/special/shijiritsu/TKY200411290310.html> (дата обращения: 10.10.2025).
 - 70年談話 = Что было сказано за 70 лет // 安倍晋三全文 = Полное собрание текстов Синдзо Абэ. URL: http://nenkinsha-u.org/04-youkyuundou/pdf/abe_70nen_danwa150815.pdf (дата обращения: 10.10.2025).
 - 令和6年[教科書]採択関係状況調査結果 = О выборе учебников. Результаты обследования отделов образования органов местной власти. URL: https://www.mext.go.jp/content/20250327-mxt_kyokasyo01-000028527_1.pdf (дата обращения: 10.10.2025).

REFERENCES

- 読売世論調査: 憲法改正「賛成」63% 9条2項改正は「最多」の53% [Yomiuri Opinion Poll: 63% Support Constitutional Revision, Record-High 53% Support Revision of Article 9, Paragraph 2]. Available at: <https://www.yomiuri.co.jp/election/yoron-chosa/20240502-OYT1T50215/> (accessed 10.10.2025). (In Jap.)
- 日本政府と中華人民共和国政府の共同声明 [Joint Statement by the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China]. Available at: https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/china/nc_seimei.html (accessed 10.10.2025). (In Jap.)
- 戦後80年を考える。2025年朝日新聞郵送世論調査 [Reflecting on 80 Years Since the End of the War. Asahi Shimbun 2025 Mail-in Opinion Poll]. Available at: <https://www.asahi.com/rensei/list.html?id=3019> (accessed 10.10.2025). (In Jap.)
- 戦争や植民地支配、謝罪や償い十分58% [Militarism and Colonial Rule, Apologies and Compensation: 58% Believe Current Measures Are Sufficient]. 朝日. April 27, 2025. Available at: <https://www.asahi.com/articles/AST4R1FPHT4RUZPS018M.html> (accessed 10.10.2025). (In Jap.)
- 首相の靖国神社参拜: 賛否二分 [Visits by the Prime Minister to Yasukuni Shrine: Opinions Evenly Split For and Against]. 朝日. November 30, 2004. Available at: <http://www.asahi.com/special/shijiritsu/TKY200411290310.html> (accessed 10.10.2025). (In Jap.)
- 70年談話 [What Has Been Said over the Past 70 Years]. 安倍晋三全文 [Full Text by Shinzo Abe]. Available at: http://nenkinsha-u.org/04-youkyuundou/pdf/abe_70nen_danwa150815.pdf (accessed 10.10.2025). (In Jap.)
- 令和6年[教科書]採択関係状況調査結果 [Results of the 2024 Survey on Textbook Adoption Conducted by Prefectural and Municipal Boards of Education]. Available at: https://www.mext.go.jp/content/20250327-mxt_kyokasyo01-000028527_1.pdf (accessed 10.10.2025). (In Jap.)

Дата поступления в редакцию 29.10.2025